

Ювелирное достояние

ЦЕХ СВЕРДЛОВСКОЙ ЮВЕЛИРНО-ГРАНИЛЬНОЙ ФАБРИКИ. 1977 Г. ФОТО ГРИГОРИЯ НОВОСТИ / В. КАУШАНОВ

Колье «Гизехский сфинкс», 1996 г.

Колье «Сон Деметры», 1992 г.

Гарнитур «Солярный знак», 1993 г.

Брошь «Юла», 2000 г.

Кольцо «Серебряное копытце», 1977 г.

Брошь «Яхонты», 1956 г.

Тридцать лет назад – в 1992 году – было организовано акционерное общество «Ювелиры Урала». Но история известного на всю страну предприятия началась гораздо раньше – в 1896-м. Рассказываем, чем была уникальна продукция завода.

Суровый край наложил отпечаток на изделия

Несмотря на то что Екатеринбург долгое время стоял у истоков золотодобывающей промышленности России, ювелирные традиции начали здесь развиваться сравнительно поздно, даром что городу почти триста лет. Громкий имён до середины XX века – всего ничего. Алексей Денисов-Уральский, само собой, да Василий Липин, который владел собственной мастерской с 1881 года.

Лишь в 1896 году при УОЛЕ (Уральском обществе любителей естествознания) создали мастерскую, которая снабжала учебные заведения Екатеринбурга минералогическими коллекциями. Принято считать, что с появлением этого учреждения началось большое ювелирное производство.

И вот уже гремит революция, внедряют и сворачивают нпз, выполняют пятилетние планы. В 1937 году минералогическую мастерскую передали из ведения областной краеведческой организации в подчинение Ювелирторгу. Это вызвало недовольство сотрудников мастерской – производство минералогических коллекций решили прекратить и сосредоточиться на граниении камня. Так началась история Свердловской ювелирно-гранильной фабрики.

Дальше была Великая Отечественная война. На фабрике производили награды, портсигары и часы для солдат и офицеров. Сразу после войны внедрили инновационный по тем временам полуавтомат для обработки камней, который впоследствии примут на вооружение остальные производства по всей стране. Тогда же, в 1941 году, на фабрику пригласили преподавать Владимира Рошина, который до 1913 года трудился в мастерской Карла Фаберже. Именно Рошин стал основателем уральской ювелирной школы – первые массовые украшения изготавливались по его эскизам.

Отличительными чертами зарождающегося уральского стиля стали пластичность, природные образы и обыгрывание в изделиях поделочных камней – малахита, яшмы, бериллов и аквамарина. Особо выделялись изумруды – на предприятии в 50-е годы освоили технологию выращивания искусственного зелёного минерала. Вот что рассказал «ОГ» о специфике уральской ювелирной школы бывший модельер экспортного участка «Ювелиров Урала», а сейчас преподаватель кафедры художественной обработки металлов Уральского государственного горного университета Роман Дигас.

– На мой взгляд, отличительными особенностями уральской школы ювелиров стали широкие использование серебра, более массивная филигрань, позднее – доминирование стиля ар-деко. Суровый уральский край и наша самообытность – всё это накладывает свой отпечаток на изделия, – отмечает Роман Дигас. – Наши украшения более крупные, надежные, даже, возможно, тяготеющие к некоей брутальности. При этом они не грубые – просто более весомые, внушительные, с

«Мешок камней в Эмираты пришлось вывозить контрабандой»

С распадом Советского Союза многие предприятия не смогли встроиться в капиталистическую повседневность. Но СЮЗ смог. Во многом это заслуга нового директора, который пришел в коллектив в 1987 году. Звали его Юрий Бырдин. При нем завод получил по-настоящему мировую известность. Человек со стороны, бывший инженер-турбостроитель, проводил производственный процесс, что называется, со всех сторон: спускался в шахты, сидел за станком. В 1992 году он реорганизовал советский завод в акционерное общество «Ювелиры Урала» и начался подлинный расцвет.

– Юрий Бырдин сумел поднять предприятие на качественно новый уровень, несмотря на сложности: перестройку, нищету 90-х, разруху и гиперинфляцию, – рассказывает об этом периоде Роман Дигас. – Конечно, трудности коснулись и наших сотрудников. Бывало, зарплата выдавали серебряными цепочками, иногда даже мылом и носками. Но директор сумел наладить связь с правительством и выбить кредиты на развитие производства. Полученные деньги он тратил не только на модернизацию оборудования, но и на стимулирование работников

– творческие поездки, командировки на выставки в другие страны. Самое главное, что сделал Бырдин – дал свободу творчества. Предоставлялись возможности делать эксклюзивные, дорогие, высокохудожественные вещи. Благодаря этому наш экспортный участок лучше узнали за рубежом. Мы сотрудничали со Всемирным золотым советом, на нас обратила внимание алмазодобывающая компания «Де Бирс».

Усилия Юрия Бырдина действительно были весомыми – начиная с того, что художники могли привезти особую, дорогую калку из Италии и заканчивая курсами повышения квалификации. Не возникало никаких проблем с тем, чтобы отправить автора украшения на выставку, где оно экспонировалось – и неважно, Италия это, Америка, Израиль или Япония. Предоставлялись и особые «творческие дни», когда дизайнеру рекомендовалось посещать местные выставки или сидеть дома и рисовать «для души». Вероятнее всего, именно такой подход директора позволил в 1996 году художнице Елене Опалевой пробиться в финал «Ювелирного Оскара» – «Алмазные премии мира», проводимого компанией «Де Бирс». Колье «Гизехский сфинкс» вошло в тридцатку победителей из более чем двух тысяч заявок со всего мира. Ни до, ни после российские ювелиры на этом конкурсе не побеждали.

В то время завод душили ограничения законодательства, связанные с запретом продажи изделий из драгоценных металлов за рубеж. Экспортный участок работал практически в стол – украшения возились на выставки, но всегда возвращались обратно. И вроде бы изделиями «Ювелиров Урала» заинтересовался аукционный дом «Sotheby's», но продать их было нельзя. Из-за несовершенных законов доходило до смешного. Как рассказал «ОГ» на условиях анонимности один из сотрудников завода в то время: «Однажды эмиратский шейх захотел сделать из

своих драгоценных камней украшения и предложил контракт «Ювелирам». Поэтому главному художнику и мне пришлось буквально контрабандой перевозить мешок драгоценных камней из Арабских Эмиратов на завод. Но что-то не сложилось, и пришлось везти камни обратно. И тоже контрабандой!»

Разумеется, дефолт 1998 года и дальнейшая разруха подкосили финансовое положение предприятия. Так, Юрию Бырдину неоднократно предлагали уволить часть персонала, чтобы повысить зарплату оставшимся, на что тот неизменно отвечал отказом. Да и кого увольнять? По словам Юрия Бырдина в интервью журналу «Металлы Евразии», в то время на заводе работали такие высококлассные мастера, что выбрать, с кем расстаться, было невозможно. Такая кадровая политика аукнулась заводу уже в XXI веке.

«Ювелиры» ушли в историю

В 2003 году завод выкупила известная в Екатеринбурге корпорация «ЯВА» Валерия Язева. В это время, по данным портала «Ювелирное дело», рентабельность завода составляла семь-восемь процентов, и семья Язевых надеялась поднять этот показатель до 13–15 процентов, а также увеличить объем экспорта в три-пять раз. Сделать это планировалось за счет уменьшения количества эксклюзивов и увеличения массового производства.

Из-за этого начали увольняться лучшие сотрудники, например, коллектив художников покинул Леонид Устьянцев, чьи работы хранятся в Алмазном фонде России. Несмотря на то, что в 2005 году на выставке «Ювелир-2005» изделия завода триумфально получили награды сразу в нескольких номинациях, к концу года в специализированных медиа появились новости, что работникам технического производства зарплату платили нерегулярно, иногда задерживая месяцами. Кульминационной точкой агонии стал 2018 год, когда работники не получили зарплату на сумму

5,3 миллиона рублей. Дальше, как это ни печально, предприятие прекратило своё существование, а остатки имущества и украшений продали на торгах.

Мы решили съездить на территорию «Ювелиров Урала», чтобы своими глазами посмотреть, что осталось от производства. На проходной царит полумрак от люминесцентных ламп – экономия электричества. На стене помещения висит панно из уральских камней, на котором изображена Хозяйка Медной горы. Панно подарили заводу на столетие. В некоторых местах не хватает камешков мозаики. Как рассказала управляющая зданием, вся территория поделена теперь между арендаторами, в том числе и производственные помещения.

Рядом с главным зданием, по старой памяти, расположились ювелирные магазины. Один из них работает под брендом «Ювелиры Урала». Оказалось, что некоторые изделия для торговой сети предоставляет ООО «Ювелиры Урала» – небольшая мастерская бывшего коммерческого директора завода Светланы Храмовой.

– У нас очень маленькая мастерская. Мы просто выкупили рабочее имя. Помещение нам не принадлежит, оно в аренде. На территории бывшего завода сейчас там какие-то кожаные костюмы. Тут арендаторов – организаций сорок. Мы же делаем украшения в своей мастерской, и поставляем не только в магазины ООО «ФСМ «Ювелиры Урала», но и в другие торговые точки. Делаем заказ – мы производим и отгружаем. Можем в Кострому или в Москву отправить. Те изделия, которые создавались ОАО «Ювелиры Урала», конечно, мы уже не делаем. А знаковые изделия, хранившиеся в музее завода, мы отдали в Музей камнерезного и ювелирного искусства.

Да, теперь бренд и, безусловно, ювелирное достояние Среднего Урала – только история. Но как знать, может быть, в будущем нас еще ждет возрождение столь важного для края самоцветов производства.

Иннокентий ЛАВРЕНОВ

За что давали «ювелирный Оскар»

Елена ОПАЛЕВА сейчас живет в Москве, но нам удалось поговорить с ней о работе на заводе «Ювелиры Урала» и о том, как создавалось знаменитое колье «Гизехский сфинкс».

– Я пришла на производство в 1990 году, рисовала на экспортном участке. После победы в конкурсе «Де Бирс» меня назначили главным художником, правда, занимала эту должность я недолго – в течение 1998–1999 годов, – вспоминает Елена. – Надо понимать, что несмотря на разруху вокруг, на заводе был доступ к самым разнообразным камням. Кроме того, имела большая библиотека, где было много полезной литературы – каталоги, журналы, фотоальбомы.

– Как получилось, что вы приняли участие в конкурсе «Де Бирс»?

– Однажды у меня случился командировка в Швецию. Совершенно случайно в торговом центре в Стокгольме мы попали на экспозицию с работами последнего ювелирного конкурса «Де Бирс». Работы на выставке были для меня полной неожиданностью – фейерверком эмоций. Было очень много цвета, эмаль, даже дерево! Меня так это поразило, что я провела среди этих украшений много времени – несколько часов. Так я поняла, какие изделия хотят видеть у себя организаторы конкурса – должна быть монументальная работа, надо обязательно использовать много цвета и, естественно, нетрадиционная форма огранки бриллиантов. Именно для популяризации необычной огранки «Де Бирс» и организовывал этот конкурс. А потом на завод пришло приглашение к участию, и я не раздумывая предложила свою кандидатуру.

– Сколько времени заняла разработка эскиза?

– Времени дали очень много – полгода на продумывание идеи. Но я довольно быстро решила, что взять за основу – это должно быть что-то знакомое и понятное всем, что имеет общемировую историческую ценность. Начала складываться стилистика. Я понимала, что нужно сделать что-то такое, что будет отличаться от того, что обычно делали ювелиры в то время. Мне показалась, что должна быть какая-то геометричность, чтобы она обратила на себя внимание. И всё сразу так в голове сложилось, что оставалось только взять карандаш и начертить. В итоге, когда кто-то из руководства смоленского ПУ Кристалл, которому мы предложили сотрудничество в огранке бриллиантов для колье, услышал о нашей идее, вцепился в меня и сказал: «Мы будем делать, я уломаю высшее руководство. Нам надоело здесь рутинно заниматься, мы же творческие люди!» Вот так и получилось «Гизехский сфинкс», мой мальчик.

– Вы знаете дальнейшую судьбу украшения?

– Колье ездило по выставкам еще какое-то время. Несколько лет назад его привозили в галерею «Главный проспект». Не знаю, кто сейчас является его собственником. Я думаю, что его должны забрать на хранение в Гохран. Лет пять назад мне сообщили, что на заводе хотят разобрать колье на части. Я возмутилась, позвонила руководству и удалось остановить этот процесс. Ведь стоило оно не меньше миллиона долларов.

Кстати, должностной знак губернатора Свердловской области разработал и изготовил легендарный уральский мастер Борис Харитонов, работавший на заводе «Ювелиры Урала».

Подробнее о регалии и ее непростой судьбе читайте на сайте oblgazeta.ru